

РОБЕРТ

МАККАММОН

РОБЕРТ
МАККАММОН
ВСАДНИК АВАНГАРДА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
М15

Серия «Маккаммон — лучшее!»

Robert McCammon

THE PROVIDENCE RIDER

Перевод с английского *М. Б. Левина*
Компьютерный дизайн *В. Е. Половцева*

Печатается с разрешения автора и его литературных агентов,
Donald Maass Literary Agency (США)
и Агентства Александра Корженевского (Россия).

Маккаммон, Роберт.

М15 Всадник авангарда : [роман] / Роберт Маккаммон ;
[пер. с англ. М. Б. Левина]. — Москва : Издательство АСТ,
2015. — 544 с. — (Маккаммон — лучшее!).

ISBN 978-5-17-081486-2

Серия Роберта Маккаммона о смертельно опасных приключениях Мэтью Корбетта, сотрудника частного детективного агентства Нью-Йорка XVIII века, открытая в 2001 году романом «Голос ночной птицы», с каждой новой книгой набирает восторженных поклонников. Что же притягивает читателя? То, что здесь есть все, что нам дорого: блистательная детективная интрига, мистический флер, отчетливые исторические детали, неожиданные повороты сюжета — и главное, запоминающиеся характеры героев, среди которых особо выделяется Мэтью: пытливый, честный и преданный своим друзьям юноша, преодолевающий природную нерешительность и отважно глядящий в лицо своим страхам.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-081486-2

© Robert McCammon, 2012
© Перевод. М.Б. Левин, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

**ВСАДНИК
АВАНГАРДА**

Кей Си Дайер посвящается.

Спасибо за помощь, спасибо за ободрение.

И еще за то, что показала мне серебряного лебедя.

Часть первая

СЕРОЕ ЦАРСТВО

Глава первая

Краб осторожно перебежал от камня к камню в жидкой темноте. Мир за пределами его панциря был ему неведом и неинтересен. От кого он родился, к чему стремится — эти вопросы его не волновали. Ощувив вкус холодного океанского течения и в нем — желанный след мяса, он изменил курс и стал медленно пробираться к добыче по илистому дну.

Опять через камни, трещины и впадины, боком, боком, сползая вниз и снова поднимаясь наверх, поводя клешнями туда-сюда, как свойственно ракообразным. Дрожь перламутровых раковин пробежала по устричной отмели от его передвижения, будто моллюски в бесчувственном сне ощутили тень кошмара там, где не бывает тени. Но краб ушел дальше, недолгая паника, слегка пробудившая устриц от забытья, тут же стихла, и жизнь пошла своим чередом.

Куда бы ни устремлялся краб, его клешни вздымали вихрики ила. Твердоспинный целеустремленный обитатель дна не знал, что полная луна рисует на воде нью-йоркской гавани серебристые узоры, что сейчас февраль тысяча семьсот третьего года, что лампы горят в этот субботний вечер в окнах крепко сколоченных домов и обветренных таверн

Манхэттена, что холодный ветер с северо-запада треплет крыши. Он знал только, что в плещущем непроглядном илистом рассоле пахнет чем-то съедобным, и неуклонно двигался вперед неуклюжим шагом, без всякого плана.

Поэтому, когда внезапно ил под ним разверзся, выскочили щупальца, и то, что казалось твердью, затряслось в жадном восторге, — кого было винить ему, кроме себя, когда щупальца обвили панцирь и перевернули его, когда клюв осьминога стал вгрызаться в подбрюшье, и запоздалое, предсмертное понимание хлестко ударило по нервам, будто вонь тухлой селедки? Краб честно пытался удрать, но шансов у него не было. Кусочки плоти полетели в стороны, его поглощали жадный клюв и бесстрастный океан, и мелкие рыбешки бросились подхватывать ошметки, а осьминог прижал добычу крепче, как ревнивый любовник, и забился в дыру под двумя смыкающимися камнями. Таким образом, останки краба оказались в еще более темном месте, чем раньше, и одинокий путник прекратил существование.

Осьминог, закончив трапезу, сидел в своей норе. Он был стар и медлителен и по-своему возмущался тем, как несправедливо обошлось с ним время. Но сейчас ему почастливилось хорошенько попировать.

Однако сытости хватило ненадолго, и в утробе снова начал просыпаться голод. Осьминог извлек себя, щупальце за щупальцем, из устеленного панцирями убежища и снова выдвинулся на поле боя, дрейфуя туда и сюда как пятнистое облачко, выскивая клочок ила посимпатичнее, куда мог бы зарыться. Там он дождетса следующего неосторожного обитателя дна, и горе в эту ночь крабам и мелкой рыбе!

Целиком сосредоточившись на передвижении и голоде, осьминог миновал скопление камней, где ржавел застрявший якорь голландского судна, давным-давно ото-

рвавшийся во время шторма. Создание, обитавшее в этих камнях, ощутило присутствие пищи, тут же пробудилось от забытья, плеснуло хвостом из стороны в сторону, молнией бросаясь вперед. Пасть групера сомкнулась на луковичной голове добычи. Брызнуло тревожное чернильное облако — но поздно, слишком поздно, — и осьминога втянуло в хищную пасть, размолото тяжелыми зубными пластинами. Проглоченные одним движением, исчезли щупальца. Рыба пообедала настолько аккуратно, что мелким побирушкам не осталось ни единого клочка. В экстазе победы групер поплыл над самым дном, задевая его брюхом, лениво шевеля хвостом.

Вскоре запах новой еды привлек групера, и он тяжело вильнул, изменив курс, как обросший ракушками корабль. Рыская вверх и вниз, групер выплыл к маслянистому куску мяса, подвешенному в воде, доступному — бери не хочу.

Он взял.

Мощная пасть сомкнулась над мясом, и кто-то вдруг рванул леску, уходящую к поверхности на сорок футов. Крючок вонзился в глотку. Групер, несколько раздосадованный, подался назад, решив вернуться в свою нору, но был остановлен поразительным сопротивлением из верхних сфер, о которых он ничего не знал. Крюк, леска и групер слились в борьбе — а групер был силен и упрям. И тем не менее его мало-помалу подтаскивали к поверхности, и как ни дергалась рыба, ей было не суждено избавиться от твердой острой колючки, застрявшей в горле. На пути к поверхности из глубин глаза групера улавливали странные силуэты непривычного окружающего мира. Круглый свет, серебряный, невероятно красивый, почти вверх групера в ступор. Рыба дрожала, пытаясь избавиться от этого неудобства — тянут тебя, куда не хочешь, — и ее жабры топорщились от гнева.

Через несколько секунд ее протаскают через водную поверхность. Она окажется в объятиях другого царства, к добру оно или к худу. И узнает тайну. Групер сопротивлялся этому знанию, бился на крючке, но леска тянула его, поднимая вверх. Еще секунда-другая — и он пробьет поверхность, глаза напоследок увидят чуждый и чужой, совершенно фантастический мир.

Но этого не произошло. Голубая акула, терпеливо нарезавшая круги около пойманной рыбы и внимательно следившая за борьбой, бросилась вперед и откусила нижнюю часть групера — из воды на конце лески вылетела одна голова. Взору рыбака, уже почти шесть минут сматывавшего леску, предстала капающая кровью и водой голова групера и белый след спинного плавника акулы. С яростью швырнул он удилище на дно лодки. Над водами прокатился хриплый, надсаженный ветрами голос, такой громкий, что мог бы разбудить спящих на погосте церкви Троицы.

— Боже всемогущий! — заревел старый седой Хупер Гиллеспи. — Так нечестно, ты, ворюга! Ты, негодный плевок Господень! Так нечестно!

Но честно или нечестно, а жизнь есть жизнь и над водой, и под ней. Отпустив в адрес уплывшей акулы еще несколько красочных выражений, Хупер Гиллеспи тяжело вздохнул и покрепче завернулся в драную куртку. Густые белые волосы клубились у него на голове упрямыми вихрями да круглыми завитками — непокорное поле, на котором сломалась однажды лучшая мамина расческа. Но мама умерла, умерла давно, и никто никогда не узнает, что у него в хижине хранится ее маленький портрет в оловянной рамке. Нарисованный простыми чернилами по памяти. Наверное, единственная вещь, которую он ценит в этой жизни — кроме удилища.

Старик втащил в лодку обгрызенную голову, извлек крючок. Выбрасывая окровавленный мусор за борт, заметил блеск луны в невидящих глазах и ему стало интересно: что могут знать рыбы о мире людей? Но интерес тотчас растаял, как тень, не имеющая сущности. Хупер угрюмо взглянул на ведро с ночным уловом — три макрельки и приличных размеров полосатый окунь. Ветер стал холоднее, руки устали от недавних усилий. Пора выруливать к берегу.

Над бухтой поплыли звуки скрипки. Она играла весело и живо, и старый Хупер почувствовал горячий прилив гнева.

— Веселитесь! — буркнул он, имея в виду людей, танцы, горящие свечи и жизнь вообще. — Да-да, живите как хотите, а мне — наплевать. — Он убрал удилище и погреб туда, где лежала темная тень Устричного острова.

— Наплевать! — повторил он всему миру. — Я сам по себе, вот что! Думаете, вам — так все можно, а мне — так в луже валяться? Нет, господа, не выйдет! И думать забудьте. — Он сообразил, что последнее время стал слишком часто разговаривать сам с собой. — Ладно, нечего сопли жевать. Что сделано, то сделано, и все. Все. Все! — Он остановился — сплюнуть в воду горькую слюну. — Вот так.

Летом Хупер гонял паром между Манхэттеном и Брейкеленом. Но речные разбойники — «мелкая сволота», как он их именовал, — беспрестанно нападая на паром и грабя его пассажиров, сделали это занятие бессмысленным. По крайней мере для Хупера. Он не желал подвозить добычу головорезам. Он даже жаловался на создавшееся положение на первом собрании горожан, устроенном губернатором лордом Корнбери, и требовал, чтобы главный констебль Лиллехорн предпринял что-нибудь против этого речного отребья.

— И видите, к чему это меня привело? — воскликнул он, обращаясь к звездам. — Мотаться по холоду на веслах, да собственную смерть на крючок ловить?

Лиллехорн в ноябре нашел скрытое убежище грабителей, разгромил эту банду мерзавцев, но работа паромщика досталась человеку помоложе. А после этого у Хупера перед носом захлопнули еще много дверей. Вот тогда-то он и начал понимать, что жаловаться на главного констебля в присутствии одетого в платье Корнбери (кузена королевы, имеющего многие черты, присущие ее полу), — явно неразумный поступок.

— Но все равно я не псих! — буркнул Хупер, налегая на весла. — Голова у меня покрепче будет, чем шляпка нового гвоздя!

Сейчас обстоятельства направляли его к скалистым берегам Устричного острова. Обстоятельства — и, естественно, тот неприятный факт, что больше никто на этот риск идти не желал. Остров — мешанина деревьев и валунов, если не считать бревенчатой хижины, построенной для зрителя. Эта должность уже три недели принадлежала Хуперу. Он теперь зритель, который обязан карабкаться на смотровую вышку, расположенную на южной оконечности острова и до рези в глазах ежедневно всматриваться в океан, следя за всеми мачтами, появляющимися на горизонте — хотя по большей части он видел одни лишь волны. Но если подзорная труба покажет армаду под голландскими флагами, это будет означать, что голландские воины в плавучих дубовых стенах идут отбивать Нью-Йорк обратно, и тогда зрителю надлежит спешить вниз, туда, где стоит пушка, чтобы успеть дать предупредительный выстрел до высадки армии вторжения.

— Чтоб меня черти взяли, если я знаю, как из этой дурацкой пушки палить, — проворчал себе под нос Хупер, вспахивая веслами воду. До него снова долетел звук скрипки, и старик повернулся лицом к свету городских огней. — Вот по вам надо бы бабахнуть, по вашим бальным туфлям! Давайте, давайте, посмóтрите у меня!

Но ему, как всегда, никто не ответил.

И тут его прищуренные глаза кое-что заметили.

Красную вспышку.

Далеко в темноте, где-то за полмили от города. На опушке леса, где до сих пор сохранилось переплетение индейских троп. Красный свет. Он загорался и гас. Загорался и гас. Загорался и гас.

— Похоже на сигнальный фонарь, — сказал сам себе Хупер. Словно горит огонь за красным стеклом, и чья-то рука или шляпа опускается время от времени, загораживая его. — Вот и догадывайся, — сказал Хупер. Сообразил, что еще не произнес вопрос вслух, и сделал это: — Кому же он сигналил?

Он посмотрел на море, плещущее за шершавыми скалами и диким лесом Устричного острова.

Посмотрел далеко-далеко во тьму.

Красный фонарь продолжал мигать. Загорался и гас. Загорался и гас. Загорался и гас... и погас окончательно. Хупер снова взглянул в сторону Манхэттена — темной опушки все еще дикого леса. Красный фонарь больше не вспыхивал. В чем бы ни состояло сообщение, понял Хупер Гиллеспи, оно уже передано.

Днище лодки заскребло по камешкам и устричным раковинам. Сердце Хупера подпрыгнуло, запнулось и забилось бешено, потому что в нечесаную башку вдруг пришла мысль.

Мысли он привык выражать вслух, произнося их как можно громче.

— Ну уж нет! — заорал он. — Бог знает откуда, через океан разнести нас на куски — ну уж нет!

Он выпрыгнул из лодки, споткнулся о камень и плюхнулся лицом в воду. Отплевываясь и ругаясь какими-то не вполне английскими, только ему самому понятными словами, Хупер кое-как встал и зашлепал по мелким волнышкам, облизывающим каменистую сушу. Побежал мимо большой пушки по тропе, ведущей к сторожевой вышке, у основания вышки задержался — чиркнул огнивом, зажег факел.

С горящим факелом устремился вверх по шатким деревянным ступеням. На верхней платформе, держа факел высоко над головой, наклонился вперед как можно дальше — насколько доверял изъеденным древоточцем перилам.

— Благословение свободы не отнять у нас! — крикнул он неизвестному и невидимому кораблю туда, в темноту. Естественно, факел не мог ему помочь ничего разглядеть, но пусть голландцы знают, что их заметили. — Дуйте сюда, синезоные негодяи! Покажите ваши буркалы, жадные и бесстыжие!

Голос пронзил ночь, но утонул в ней, и ночь в ответ промолчала.

Красный фонарь исчез в море и больше не показывался. Хупер посмотрел на лес Манхэттена — там фонаря тоже уже не было. Что бы ни было сказано, повторения не будет. Хупер закусил нижнюю губу, в азарте замахал факелом, рассыпая искры.

— Видел я тебя, предатель, мешок кривых костей! — заорал он. Вряд ли его могли услышать на таком-то расстоянии, но Хупер определенно получил удовольствие. Тут

к нему пришла мысль о *заряде*. Если все так, как он думает, если голландцы на своих кораблях действительно готовы войти в гавань с пушками и абордажными саблями, готовы крушить и резать, то он должен исполнить свой долг и предупредить горожан.

Он поспешил вниз по ступеням, зажав в руке факел, в самом низу чуть не грохнулся, едва не угробив не только свой героический план, но собственную башку.

Возле своей хижины Хупер остановился. Поспешно открыл деревянный ящик, взял мешочек пороха примерно в два полных наперстка — достаточно, чтобы хорошо бабахнуло, — и шестидюймовый кусок фитиля. Прихватил с собой нож, чтобы взрезать мешочек, потом подошел к пушке и дрожащими руками вставил факел в предназначенный для этой цели металлический упор. Ругаясь и бормоча про себя что-то о будущем Нью-Йорка в случае, если голландцы захватят город и швырнут всех его британских жителей — мужчин, женщин и детей — в трюмы своих кораблей, Хупер сунул фитиль в затравочное отверстие пушки. Сколько раз ему говорили закладывать фитиль так, чтобы виден был огонь? — спросил он себя.

И не упомнить.

В памяти задержался только властный рот на бледном лице под треуголкой, да еще его собственные тогдашние мысли о том, что на островке можно будет славно порывачить.

Ядро заряжать не требуется, нужен только звук. Хупер оглянулся через плечо на ночное море. Действительно ли он угадал движение сотен кораблей, приближающихся к бухте? Вправду ли услышал хлопанье флагов и звон цепей? Но ведь не видно было огней, ни единого.

«Ох, эти голландцы! — подумал Хупер. — Дьяволы тьмы!»